

Петуния сидела на качелях и читала, а ты тихонько дремала у её ног. Налетал ветерок, принося с собой запах свежей травы и стирального порошка, и всё вокруг казалось невероятно умиротворённым.

Пока не появился Северус.

Он вечно тащился слева от Лили, в старой, застиранной добела рубашке с растрёпанными манжетами, а его волосы, как всегда, жирными прядями липли к лицу. Он стоял у калитки дома Эвансов, не решаясь ни войти, ни уйти, похожий на вбитый в землю чёрный гвоздь.

— Сев! — радостно подбежала к нему Лили. — Иди скорее сюда, смотри, Сия опять пришла!

Взгляд Северуса скользнул поверх плеча Лили и точно упал на тебя.

Ты как раз лежала у ног Петунии, лениво раскинув хвост на земле, всем своим видом излучая уют и довольство. Его глаза на секунду задержались на твоём хвосте, после чего он отвёл их, оставшись совершенно бесстрастным.

— Я вижу, — бросил он равнодушным тоном. — Она в последнее время словно прописалась у вас.

— Ага! Папа с мамой от неё в восторге! — возбуждённо затараторила Лили. — Мама разрешила ей остаться, лишь бы соседям не мешала. Как думаешь, она бродячая? Такая послушная, совсем не похожа на дикую лису.

Северус ничего не ответил. Он снова бросил на тебя взгляд, и в этом взгляде крылось что-то, чего ты не могла понять.

Тебе вдруг стало немного не по себе.

В следующие несколько дней ты отчётливо почувствовала, как Северус отдалился от тебя.

Раньше, когда ты увядала за ним к реке, он листал книги и попутно болтал с тобой — пусть в основном ворчал и язвил, но между вами существовало некое особенное взаимопонимание. Теперь же он перестал обращать на тебя внимание. Ты ложилась рядом — он делал вид, будто тебя не существует; ты тыкалась носом в его руку — он отдёргивал её и холодно бросал: «Не мешай».

Сначала ты думала, что он просто слишком увлечён обсуждением магии с Лили. Но постепенно до тебя дошло: он не игнорирует тебя. Он дуется.

Да, девятилетний мальчишка дулся на лису.

Причиной послужило то, что ты уже три дня подряд зависала в доме Эвансов и носа не казала в Пряильный тупик к нему. На четвёртый день ты наконец вспомнила, что неплохо бы навестить его, но когда прибежала к реке, застала его на прежнем месте: он сидел в полном одиночестве и яростно водил по земле подобранной веткой.

Ты весело подбежала, сделала круг вокруг его ног и задорно тявкнула.

Он ноль внимания.

Ты тявкнула ещё раз.

Он по-прежнему игнорировал тебя, даже отвернулся.

Забежав ему наперерез, ты увидела плотно сжатые губы, натянутую линию челюсти и чуть покрасневшие глаза.

Твоё сердце больно сжалось.

— ...Иди к ним, раз тебе там так нравится, — наконец выдавил он глухим, нарочито спокойным голосом. — У них большой дом, вкусняшки, и вообще — и шёрстку почистят, и спать уложат. Какого чёрта ты таскаешься к такому, как я...

Он не договорил. Со злости он переломил ветку пополам и швырнул её в реку.

Ты замерла на месте.

Тебе и в голову не приходило, что из-за этого он может так сильно переживать. Ты думала, ему просто нужно немного личного пространства, ты думала, ему весело с Лили, ты думала...

Ты шагнула вперёд и робко, едва касаясь, положила голову ему на колени.

Он не шевельнулся.

Ты подалась ещё ближе, зарывшись мордочкой прямо в его ладонь, и лизнула его пальцы. Он лишь судорожно сжал их в кулак, но по-прежнему не двигался.

Ты подняла голову и заглянула ему в глаза.

Эти чёрные глаза переполняли обида и глухая досада, а ещё страх — тот самый, в котором он, пожалуй, и сам себе боялся признаться: страх, что ты тоже бросишь его, страх, что ты тоже предпочтёшь место поярче, теплее и лучше.

Тебе вдруг ужасно захотелось сказать ему, что это не так. Что ты никуда не уйдешь. Ты пересекла целый мир, чтобы найти его, разве можно вот так легко всё бросить?

Но ты всего лишь лиса. Ты не умела говорить.

Оставалось лишь сильнее тереться о его руку, издавая тихие, жалобные повизгивания — то ли извиняясь, то ли выпрашивая ласку. Наконец он оттаял: медленно, словно через силу, опустил ладонь тебе на макушку.

— ...Какой же я дурак, — хрипло пробормотал он. — И с каких пор рассчитываю, что какое-то животное способно понять.

Но пальцы его при этом бережно перебирали твои уши, и в этом движении сквозила невыразимая нежность.

Ты закрыла глаза, полностью доверившись ему.

В тот вечер Лили, как обычно, прибежала за ним. Петуния увязалась следом — в последнее время ей всё больше нравилось таскаться за младшей сестрой, и хотя она утверждала, что следит, чтобы Лили не вляпалась в неприятности, ты подозревала, что ей просто нужен повод выйти из дома и подышать свежим воздухом.

Увидев, что вы с Северусом помирились, Лили радостно хлопнула в ладоши:

— Как здорово! А я уж боялась, что вы поссорились!

Северус с каменным лицом поднялся на ноги, стряхивая с брюк травинки:

— Я и ссорился с лисой? Ты явно переоцениваешь её умственные способности.

Ты легонько цапнула его за щиколотку. Не больно — так, для предупреждения.

Он опустил взгляд и зыркнул на тебя, но ты храбро посмотрела на него в ответ.

Лили расхохоталась, заливисто и заразительно. Петуния, стоявшая в паре шагов в стороне, тоже едва заметно улыбнулась уголкам губ.

В этот момент Лили неожиданно наклонилась, подхватила тебя на руки и восторженно выпалила:

— Сия, поживи у нас! Всё равно тебе больше некуда идти, у нас вон какой двор, будешь бегать

сколько душе угодно!

Ты даже сообразить ничего не успела, как голос Северуса разрезал воздух — ледяной и резкий:

— Нет.

На мгновение повисла тишина. Лили опешила, Петуния тоже подняла голову.

Лицо Северуса окаменело, пальцы сами собой сжались в кулаки. Похоже, он и сам понял, что отреагировал слишком бурно, поэтому судорожно втянул нос, пытаясь придать голосу беззаботное звучание:

— Она не домашнее животное. У неё свои привычки, ей не место в четырёх стенах.

— Но она же и так всё время шляется где попало! — недоумённо возразила Лили. — К тому же она вечно приходит к нам, разве это не значит, что мы ей нравимся?

Губы Северуса превратились в тонкую ниточку.

В его взгляде читалась целая буря сложных чувств: ему отчаянно хотелось выпалить «Но я нравлюсь ей больше!», но гордость не позволяла произнести это вслух. Всего лишь девятилетний мальчишка, он ещё не умел выражать те густые, тяжёлые эмоции, что камнем лежали у него на душе.

Поэтому он лишь упрямо, почти фанатично повторил:

— Нет.

Лили уже собралась возразить, но Петуния вдруг перебила её:

— Лили, брось. Куда ей идти — её личное дело, заставлять бесполезно.

Лили надула губы, но в конце концов опустила тебя на землю.

Стоило твоим лапам коснуться травы, как ты тут же бросилась назад к ногам Северуса. Он бросил на тебя короткий взгляд, и тень в его глазах немного рассеялась, хотя тревога всё же осталась.